

Р. И. АВАНЕСОВ

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ (ВЕЛИКОРУССКОЙ) НАРОДНОСТИ¹

1. Несколько предварительных замечаний

По вопросам происхождения и образования русского языка до последнего времени была принята гипотеза акад. А. А. Шахматова, заключающаяся в том, что трем современным восточнославянским языкам в эпоху, непосредственно предшествующую древнерусскому государству X—XI вв., соответствовали три иные группы диалектов — диалекты севернорусов, восточнорусов и южнорусов. Современные восточнославянские языки являются, по А. А. Шахматову, либо непосредственным продолжением одного из этих диалектов (украинский), либо образовались в результате объединения в различных комбинациях двух (из трех) древних восточнославянских диалектов (русский и белорусский). Для этой гипотезы характерен отрыв вопросов истории языка от реальной истории восточных славян в XIII—XIX вв., когда как раз имело место образование языков восточнославянских народностей, а затем их развитие в национальные языки. В лингвистическом отношении эта гипотеза характеризовалась возведением современных диалектных различий к глубокой древности, нередко к племенной эпохе, без учета в достаточной мере внутренней истории отдельных языковых явлений и их относительной хронологии. Гипотеза эта не была в достаточной мере оснащена фактами даже для своего времени и молчаливо признавалась многими едва ли не благодаря исключительно высокому авторитету ее автора².

Однако современная наука, требующая глубокого историзма, не может принять гипотезу А. А. Шахматова. Критика последней около 10 лет

¹ Настоящая статья, как и примыкающие к ней по теме ранее опубликованные в журнале «Вопросы языкознания» — «К вопросам образования русского национального языка» (1953, № 2), «Лингвистическая география и история русского языка» (1952, № 6), — связаны с подготовляемой автором к печати монографией, посвященной образованию русского языка в его диалектах. В ней использованы также материалы статьи «Русский язык» для «Большой Советской Энциклопедии», написанной акад. В. В. Виноградовым и автором настоящей статьи.

Статья основана на наблюдениях автора над диалектами русского языка, а также частично (так как многие территории и явления еще не картографированы) на материалах диалектологического атласа русского языка.

² Отметим, что гипотеза А. А. Шахматова не была принята таким крупнейшим ученым, как Ягич (см. «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов», под ред. С. П. Обнорского, М.—Л., 1947, стр. 79—80). Не принята гипотеза А. А. Шахматова и за рубежом. Так, Б. Унбегаун, разбирая книгу Л. П. Якубинского «История древнерусского языка», пишет, что «автор (Л. П. Якубинский. — Р. А.) возводит в стеньгу установленного факта шахматовское деление русских племенных диалектов на три группы — деление, в пользу которого нет ни малейших данных» (B. O. Unbegaun, Some recent studies on the history of the russian language, «Oxford Slavonic Papers», vol. V, 1954, стр. 118).

назад была дана автором настоящей статьи в работе «Вопросы образования русского языка в его говорах»¹. Не все положения этой работы кажутся сейчас автору верными. Однако имеющаяся в ней критика шахматовской гипотезы нам представляется в основном правильной, хотя и недостаточной. В этой работе делалась попытка нарисовать картину образования русского языка в связи с историей русского народа. Но история отдельных диалектов в ней рассматривалась вне связи с историей общенародного русского языка, а вопрос о развитии языков народностей и наций даже не ставился. Мало принимались во внимание данные письменного-литературного языка.

Между тем при постановке намеченной проблемы следует иметь в виду, что понятие того или иного конкретного языка относится не только к сфере структуры языка, его качества, но также и к сфере функций и типов языка, что определяется тем, каков характер общества, им обслуживаемого: обслуживает ли язык племя, народность или нацию. Вопрос о развитии языков в эпоху образования народностей и наций представляет собой сложную и мало разработанную проблему, выдвинутую советским языкознанием за последние годы. Теоретическая разработка этой проблемы сейчас является весьма своевременной. Однако она представляет собой задачу, выходящую за пределы тех, которые ставятся в настоящей статье — осветить в общих чертах возникновение и развитие русского языка в определенных хронологических рамках.

Как известно, история языка разрабатывается двумя научными дисциплинами — исторической грамматикой и историей литературного языка. Историческая грамматика конкретного языка есть наука о р а з в и т и и с т р о я данного языка, т. е. его фонетической системы, грамматического строя, словарного состава в его диалектах за все доступное для изучения время. История же литературного языка есть наука о к а ч е с т в е данного литературного языка в разные периоды его развития в его отношении к системе общенародного языка и о его и с п о л ь з о в а н и и при разного типа жанрово-стилистической организации речи (например, в разных жанрах фольклора, в ораторской речи; в делопроизводстве и канцелярском обиходе, в художественной прозе, в поэзии и т. д.).

Историческая грамматика имеет дело с общенародным языком вне связи с определенной стилистической организацией речи, в его обычном, т. е. устном оформлении. Даже обращаясь к письменным памятникам, она извлекает из них такие данные, которые характеризуют живой язык народа. История литературного языка, напротив, изучает лишь определенный тип языка — «литературный язык»² и притом обычно в связи с той или иной стилистической организацией речи, в некоторых случаях в устном оформлении (например, язык фольклора, ораторская речь), но по преимуществу — в письменном. Под историей литературного языка обычно имеется в виду история письменного-литературного языка.

Историческая грамматика и история литературного языка, частично различаясь объектами изучения, коренным образом отличаются друг от друга своим методом. Специфика исторической грамматики заключается в том, что она принципиально ретроспективна, т. е. воссоздает прошлое, главным образом исходя из данных современности. В противоположность исторической грамматике история литературного языка (по

¹ «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9.

² Понятие литературного языка не имеет до сих пор своего достаточно точного определения; не выяснена также специфика литературного языка по отношению к разным историческим эпохам. Разработку общих понятий история литературного языка следует считать одной из назревших задач советского языкознания.

крайней мере письменного-литературного языка) воссоздается по преимуществу в прямой последовательности — от прошлого к настоящему. Это видно из того, что если историческая грамматика сведения о языковом прошлом извлекает из сравнительно-исторического изучения современного языка во всех его разновидностях, то этого нельзя сказать об истории литературного языка: сведения о литературном языке прошлого извлекаются главным образом не из анализа современного литературного языка, а непосредственно из текстов, из письменных памятников соответствующих эпох. Правда, чтобы использовать письменные памятники как источник истории литературного языка, надо их «прочитать», т. е. перевести с той или иной степенью точности язык графических знаков на обычный, устный, звучащий язык (т. е. обратиться к помощи исторической грамматики). Но это относится и к использованию письменного памятника в любых других целях, например, историком литературы, историком права, хозяйства и т. д. Важно то, что историк литературного языка, как и историк литературы или историк права, хозяйства и т. д., непосредственно общается с определенными сторонами общественной действительности прошлого; в частности, историк языка получает, так сказать, доступ к отдельным участкам языковой действительности прошлого.

Для разрешения проблемы развития языка в эпоху образования народности и нации в равной мере важны вопросы как качества живой общенародной речи (т. е. данные исторической грамматики), так и качества литературного языка в его разнообразных функциях (т. е. данные истории литературного языка) в различные эпохи, на определенной территории, в определенных исторических условиях (т. е. в свете данных исторической диалектологии). В точке пересечения всех этих аспектов и заключается специфика проблемы развития языка в эпоху существования народности и нации.

Настоящая статья по материалам, на которые она опирается, относится по преимуществу к сфере исторической грамматики и диалектологии. В центре ее — проблема образования общенародного русского языка и его диалектных групп. Однако в ней принимаются во внимание также данные литературного языка, так как без них не может не только решаться, но и ставиться проблема языка народности и нации. Установленные ретроспективно, путем сравнительно-исторического изучения современных русских говоров данные ниже излагаются в исторической последовательности с учетом данных истории литературного языка.

Для правильной оценки излагаемой ниже концепции и приводимого материала отметим, что ретроспективный, сравнительно-исторический метод, которым пользуются историческая грамматика и историческая диалектология, обычно не может воссоздать процесс образования диалектов и родственных языков во всей их исторической конкретности ввиду недостаточности источников и их характера, так как позднейшие процессы нивелировки диалектов обычно в той или иной (нередко в значительной) степени стирают старые отношения.

Поэтому ниже при изложении древних эпох истории русского языка многие положения не могут быть полностью оснащены фактами и доказаны и излагаются в качестве гипотез. Этим объясняется наличие по некоторым вопросам разных (порой противоположных) гипотез. Задача исследования в этих случаях заключается в том, чтобы принять или выдвинуть ту точку зрения, которая в наибольшей степени может быть подкреплена фактами; задача же критики, если она отвергает предлагаемую гипотезу, — в том, чтобы противопоставить ей другую, в большей мере подкрепленную фактами и потому более достоверную.

Изложение общих вопросов происхождения и развития русского язы-

ка в настоящей статье основано по преимуществу на материалах фонетических и морфологических. Это меньше всего объясняется недооценкой автором синтаксиса и лексики. Правда, едва ли можно предполагать для древнейших эпох в языке восточных славян сколько-нибудь глубокие диалектные различия в области синтаксиса, однако в области лексики они, вне сомнения, были, хотя мы и не обладаем пока достаточным материалом, а кроме того, что особенно важно, пока не можем установить, к какой эпохе относится возникновение того или иного лексического диалектного различия и какова была первоначальная территория его распространения. Во всяком случае, по мере накопления материала автор предполагает в полной степени воспользоваться данными синтаксиса и лексики.

Настоящая статья посвящена, в основном, образованию языка великорусской народности. Хронологически время существования последнего ограничивается, с одной стороны, периодом, когда в языке древнерусской народности, иначе — древнерусском языке, появляются признаки развивающегося русского (великорусского) языка (начальный период образования языка великорусской народности), с другой стороны, периодом, когда в русском (великорусском) языке появляются признаки его развития в национальный язык в связи с развитием самой народности в нацию (конечный период развития языка народности, совпадающий с начальным этапом развития национального языка). Применительно к русскому языку это время от второй половины XIII в. до XVII в. включительно.

Во второй половине XIII в. на северо-востоке намечается образование ядра той общности, которая затем разовьется в русскую (великорусскую) народность; заметны и некоторые специфические особенности языка. В XVII в. уже налицо признаки развития русской (великорусской) народности в нацию и русского языка того времени в русский национальный язык. Русский язык XVII в. по тенденциям своего развития — это национальный язык (начальной поры его развития), хотя по основным и, пожалуй, еще в значительной мере доминирующим чертам, в силу устойчивости языка, он еще принадлежит прошлому, характеризуя язык народности. Таким образом, язык русской (великорусской) народности, если не касаться его «предистории», с одной стороны, и эпохи начальных процессов его развития в национальный язык, с другой, охватывает XIV—XVI вв.

Ввиду того, что язык русской (великорусской) народности развивался на почве части диалектов языка древнерусской народности и притом в значительной мере параллельно с развитием языков других восточнославянских народностей, в настоящей статье рассматриваются и более ранние эпохи — образования восточнославянского языкового единства и языка древнерусской народности. Таким образом, здесь рассматриваются некоторые вопросы образования русского языка с древнейших времен до XVII в. включительно.

2. Языковая общность восточных славян и вопрос о времени образования языка древнерусской народности

Объем понятия русский язык, его качество и функции глубоко различны применительно к разным историческим эпохам. Историческая изменчивость этого понятия, связанная со всей историей русского языка, обусловлена историей русского народа, его формированием вместе с формированием братских восточнославянских народов — украинского и белорусского — из общего корня единой древнерусской народности.

Восточные славяне были исконно едины по своему языку. Образование восточнославянского языкового единства восходит ко времени развития соответствующих черт — новообразований, в равной мере свойственных всем восточным славянам в отличие от других славянских языковых групп. Выделение языковых славянских групп из общеславянского языкового единства не было простым распадением некогда единого языка на три языковые группы, а представляло собой значительно более сложный процесс. Исторически образовавшиеся три славянские языковые группы и их части в разные периоды дописьменной эпохи в процессе своего становления были в разных отношениях друг к другу. Одни черты, видимо, древнейшие, объединяют восточную и южную группу, противопоставляя их западной. По другим чертам, частью менее древним, восточные славяне объединяются с западными славянами или определенными группами этих последних (с северо-западными).

Сравнительная грамматика славянских языков свидетельствует о том, что, в отличие от западнославянской и южнославянской языковых групп, внутри каждой из которых имелись заметные диалектные различия, восходящие к весьма древним эпохам, восточнославянская языковая группа была значительно более цельной и единой: в древнейших фонетических процессах, как и морфологических особенностях, в ней не обнаруживается сколько-нибудь заметных различий.

Вопрос о времени языкового выделения восточных славян в настоящее время не может быть окончательно решен. Можно полагать, что в середине I тысячелетия нашей эры восточные славяне развили те древнейшие языковые особенности, которыми они отличались как от южных славян, так и от славян западных, причем в этих вновь развитых особенностях они были едины.

К числу древнейших специфически восточнославянских черт-новообразований следует отнести развитие [ч'] и [дж'] (затем [жч']) на месте *tj*, *dj* и полногласие. К позднейшим языковым чертам-новообразованиям, общим всему восточному славянству, относится развитие *o* носового и *e* носового соответственно в гласные [y] и [ä] (затем [a] с мягкостью предшествующего согласного). Судя по тому, что древнейшие финские заимствования еще свидетельствуют о наличии носовых в языке восточных славян, а передача названий днепровских порогов у Константина Багрянородного говорит о том, что к середине X в. их уже не было, можно думать, что носовые были утрачены примерно в IX в., когда восточные славяне еще переживали общие для всех них языковые процессы. Это является вместе с тем косвенным показателем того, что в рассматриваемое время они еще не могли развить сколько-нибудь глубоких языковых различий.

Как известно, в вопросе о времени образования древнерусской народности нет единства в мнениях советских историков. Одни полагают, что она начинает формироваться еще в дофеодальный период в процессе консолидации племенных союзов (проф. Б. А. Рыбаков)¹. Другие относят ее образование к феодальному периоду (проф. В. В. Мавродин, проф. Л. В. Черепнин)². Однако несомненно, что унаследованная от прошлого языковая общность восточных славян явилась одним из важнейших факторов развивающейся древнерусской народности, нашедшей свое политическое оформление в древнерусском (киевском) государстве и вне сомнения уже существовавшей в X—XI вв.

¹ См. Б. А. Рыбаков, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, ВИ, 1952, № 9.

² См. В. В. Иванов, Обсуждение вопросов формирования русской народности и нации, ВЯ, 1954, № 3, стр. 133.

При наличии решающего единства в отношении происхождения и характера языкового строя общенародный язык древнерусской народности X—XI вв. получал тем не менее на разных территориях различную местную окраску. Отсутствие централизации, слабость экономических связей, отсутствие общего рынка создавали условия, благоприятствующие постепенному накоплению диалектных различий. Восточнославянский юг, например, развил изменение *з* взрывного в фрикативный согласный *ʒ* в отличие от севера, северо-запада, северо-востока. С другой стороны, восточнославянский север и северо-запад, видимо в связи с языковым скрещиванием (поглощением славянами финно-угорского населения), усвоили *цоканье* — неразличение аффрикат *ц* и *ч* при произношении мягкого *ц* (*ц'*) на их месте. Можно думать, что на более узкой территории, пограничной с западнославянскими землями, с глубокой древности сохранялись общеславянские сочетания *tl, dl*, которые затем, видимо также в связи с языковым скрещиванием (на этот раз с балтийскими племенами), изменились в *kl, gl* (ср. псковское *привегли* — *привели* из *privedli, чькли* — *чьи* [соврем. рус. (*про*)чли] из **čylli*).

Диалектные различия затрагивали лишь отдельные элементы фонетической системы. У нас нет данных для утверждения о том, что они сколько-нибудь глубоко касались грамматического строя. Вне сомнения были заметные отличия по диалектам в области словаря; однако при нынешнем состоянии науки нет возможности выяснить, какие из словарных различий, известных из позднейших памятников и современных говоров, можно отнести именно к рассматриваемой эпохе. Таким образом, единство общенародного языка в эту эпоху сохранялось еще в полной мере, несмотря на известную местную окраску на разных частях территории древнерусской народности.

Как известно, вопрос о времени возникновения письменности у восточных славян не является решенным. Имеются некоторые основания для предположения о наличии у них письменности, хотя еще и мало совершенной, в эпоху до крещения Руси. Развитие и укрепление древнерусского (киевского) государства, естественно, вызвали развитие и совершенствование письма, необходимого для фиксации государственных актов, для разного рода переписки, для целей развивающейся одной из самых богатых в средневековой Европе культуры.

На основе древней, уходящей глубоко в дописьменную эпоху, общенародной по языку традиции формул посольских, воинских, разного рода договорных речей, а также формул обычного права развивается литературно-письменный язык, представленный договорами, грамотами и памятниками юридического характера.

Крещение Руси в конце X в. вызвало развитие письменности, прежде всего богослужебной и — шире — церковно-религиозной, на старославянском языке. Впрочем последний мог быть известен на Руси и раньше, так как христианство на Руси распространялось постепенно и было уже известно до официального крещения. Старославянский язык, сложившись на близко родственной восточным славянам македонско-болгарской народной основе, в древней Руси постепенно русифицируется, т. е. проникается элементами живой восточнославянской речи и принимает форму церковнославянского языка — русского литературно-книжного языка, обслуживающего по преимуществу жанры богослужебной и церковно-религиозной, а также, мало дифференцированной от последней в условиях средневековья, научно-теоретической по содержанию письменности. Таким образом, русский церковнославянский язык следует отличать от собственно старославянского языка — литературно-книжного древнеболгарского языка.

Очень рано наряду с письменным деловым языком и литературно-книжным церковнославянским развивается собственно литературный русский язык, который употреблялся в жанрах художественной литературы в той мере, в какой последняя в то время выделялась среди общей массы письменности. Этот тип литературного языка несомненно развился на основе древней, восходящей к далеким дописьменным эпохам традиции языка фольклора, народно-поэтической речи, представлявшей собой при отсутствии письма своеобразный тип устно-литературного языка.

Между тремя охарактеризованными типами письменного языка происходило постоянное взаимодействие, взаимопроникновение. Это относится прежде всего к собственно литературному языку, который вбирал в себя по мере необходимости все богатства и живой восточнославянской речи, и книжно-славянского типа литературного языка. Книжно-литературный, церковнославянский язык, русифицируясь, в свою очередь и сам оказывал известное воздействие на устную общенародную речь. Например, в летописях, довольно широко употребляющих русские слова с полногласием, слово *время*, как и в современном русском языке, включая говоры, употребляется только в неполногласном звуковом облике, соответствующем старославянскому языку (*врѣмя*). Это свидетельствует о том, что данное слово в таком облике было усвоено общенародным языком.

Нельзя не отметить, что и некоторые другие слова в современном русском языке, в том числе в его говорах, известны исключительно или почти исключительно в неполногласном виде (например, *сладкий*, *срам* или *страм*). Это позволяет предполагать, что проникновение неполногласной, старославянской по происхождению формы в общенародный язык относится к глубокой древности.

Процессы нормализации языка в этот период отсутствуют или находятся в зачаточном состоянии. Поэтому все типы письменного языка данного периода относительно широко отражают местную окраску языка. Например, в новгородских памятниках XI—XII вв. отражается поканье, в галицко-волыньских памятниках — совпадение *е* с *ь* перед слогом с утраченным *ь* (черта, которая впоследствии станет одной из характерных особенностей украинского языка).

Ослабление древнерусского государства, наметившееся к концу XI в. и ставшее весьма значительным к середине XII в., как известно, сопровождалось экономическим развитием и укреплением отдельных областей при одновременном ослаблении связей между ними. Все это знаменовало собой переход к феодальной раздробленности, способствовавшей дальнейшему развитию и углублению диалектных различий. Письменные памятники XII в. и первой половины XIII в. дают представление о ряде диалектов древнерусского языка, которое значительно дополняется и углубляется путем сравнительно-исторического изучения современных восточнославянских языков и их диалектов.

Этот период ознаменовался важным для истории всех славянских языков фонетическим процессом падения редуцированных. Последнее имело место в древнерусском языке в течение XII — первой половины XIII в., сначала на юге, где процесс завершился в середине XII в., и позднее на севере. Если падение редуцированных было процессом, общим для всего древнерусского языка, то его последствия были не одинаковы на разных частях его территории. На юге древнерусской языковой территории этимологические гласные *о* и *е* перед слогом с утравившимися *з*, *ь* подверглись удлинению и дифтонгизации (ср. сев.-укр. *нудос*, *пнеч*, укр. литер. *ніс*, *пич*, с гласным *і*, развившимся из дифтонгов) в отличие от остальной территории, где они сохранились (ср. рус.

и белорусс. *нос, печь*). Отражение этого процесса для *е* перед слогом с исчезнувшим *ь* отмечается уже в памятниках второй половины XII в. (Добрилово евангелие 1164 г.). На той же территории (а, возможно, и несколько шире на северо-западе) редуцированные после плавных между согласными дали разные результаты в зависимости от гласного следующего слога: перед слабыми редуцированными они изменились в *о, е, а* перед остальными гласными (т. е. гласными полного образования и сильными редуцированными) — в *ы, и* (ср. укр. *кров, кривав*, а также белорус. *кроў, крываў* при др.-рус. *крѣвь, крѣвавъ*). Единичные случаи написаний типа *ѡблыко* (др.-рус. *ѡблѣко*) встречаются с XIII в., но можно утверждать, что соответствующее произношение появилось одновременно с изменением сильных редуцированных в *о, е* и утратой слабых редуцированных. На остальной территории судьба этого сочетания не зависела от качества гласного последующего слога (ср. рус. *кровь, кровав*). Таким образом, в этот период юг и юго-запад древнерусской языковой территории (Киев, Галицко-Волинская земля, Турово-Пинское княжество) был уже отчетливо противопоставлен ее остальной территории — северу и северо-востоку. Однако и последняя не была в языковом отношении одинаковой. На значительной ее части, едва ли не на всей (возможно, кроме Смоленской и Полоцкой земель), этимологическое *о* под восходящим ударением в отличие от *о* под нисходящим ударением развилось в *о* закрытое (*ѡ*) или дифтонг *ѡѡ*, т. е. сохранилось отражение старых интонационных различий, превратившихся в различия самого качества гласных. С *о* под нисходящим ударением совпало вновь образовавшееся *о* из *ѡ*. Ср. в архаических северновеликорусских и южновеликорусских говорах *дѡвр* или *деѡвр*, *домѡв* или *домѡѡв*, *ворѡна* или *ворѡѡна*, *кѡт* или *куѡт* при *год, нос*, а также ср. *селѡ* и *село*, южновеликорус. *сѡлѡ* (или *сѡло*) и *с'илѡм* при др.-рус. *село, сельмѣ*. В говорах Смоленской и Полоцкой земель, как и в говорах восточнославянского юга, этимологическое *о* под восходящим и нисходящим ударениями (а также *о* из *ѡ*) рано совпали в одном звуке. Древнерусское правописание не давало возможности проявиться различию двух разных *о* — закрытого и открытого, так как в графике отсутствовали соответствующие средства, хотя эта черта рано — после утраты старых интонационно-долготных отношений — приобрела фонематический характер и могла уже существовать непосредственно после утраты редуцированных. Однако, приобретая значение фонемы, гласный *ѡ* (*ѡѡ*) в некоторых школах писцов в дальнейшем все же стал передаваться в отличие от *о* при помощи особого надстрочного знака, так называемой каморы. (Открытие этого явления в правописании некоторых северных русских памятников XVI—XVII вв., а также истолкование его в связи с данными сравнительной грамматики славянских языков принадлежит Л. Л. Васильеву¹.)

Предположение о том, что говоры Смоленской и Полоцкой земель не пережили удлинения и дифтонгизации этимологических *о, е* в слове перед утратившимися слабыми редуцированными и утратили различие между этимологическим *о* под восходящим и нисходящим ударениями (с которым совпало и *о* из *ѡ*), выводится из данных современных восточнобелорусских говоров и примыкающих к ним смоленских говоров, а также, негативно, из данных письменных памятников этих территорий. Однако указанные территории в языковом отношении отличались от остальных восточнославянских земель не только названными чертами, но также ранним изменением *ь*, которое прежде у всех восточных славян, видимо,

¹ Впрочем это явление независимо от Л. Л. Васильева было установлено А. А. Шахматовым.

произносилось как *ê* (*е* закрытое), в *е* (*е* открытое). Об этом свидетельствуют как данные современной диалектологии, так и письменные памятники Смоленской и Полодской земель (в частности, известная Смоленская грамота 1229 г.).

К рассматриваемому времени (XII в. — первая половина XIII в.) можно отнести истоки еще одного важного диалектного различия русского языка — аканья, т. е. совпадения в безударных слогах гласных верхнего подъема. Вопрос о происхождении аканья, времени и месте его первоначального появления до сих пор не решен. Некоторые ученые (акад. А. А. Шахматов и др.) считали возможным относить его к дописьменному периоду. Однако исследования последнего времени все больше приводят к выводу об относительно позднем происхождении аканья. Во всяком случае данные лингвистической географии русского языка и изучение внутренней истории типов аканья позволяют предполагать следующее: первоначальная территория акающего диалекта охватывала бассейны верхней и средней Оки и междуречье Оки и Сейма, т. е. современную курско-орловскую, тульскую и рязанскую территории. Аканье образовалось после того, как в первой половине XII в. бассейн реки Москвы (кроме верховьев) и верхней Клязьмы, заселенный потомками вятичей, окончательно вошел в состав Ростово-Суздальской земли, ибо говоры ближайшего подмосковья в указанных пределах не обнаруживают своего южно-великорусского, исконно акающего происхождения. Напротив, они являются северновеликорусскими по происхождению, как и остальные говоры Ростово-Суздальской земли, заселенной по преимуществу потомками кривичей.

С другой стороны, аканье образовалось до того, как территории по верхней Оке и верхнему Сейму («Верховские княжества») в середине XIV в. вошли в состав великого княжества Литовского и оказались, таким образом, разобщенными с остальной частью территории акающих говоров, — до середины XIV в., ибо общие языковые особенности на обширной территории могли возникнуть при наличии в ее пределах экономических связей, культурно-исторической и политической общности, а не в условиях разъединенности и обособления ее отдельных частей. Аканье возникло также до того, как в начале XIV в. (в 1301 г.) к Москве была присоединена рязанская волость Коломна, так как говоры этой волости, заселенной также потомками вятичей, в противоположность московскому говору являются южновеликорусскими по происхождению. Все это делает достаточно обоснованным предположение о том, что аканье в его наиболее архаических разновидностях в XIII в. уже существовало.

Данные лингвистического анализа подтверждают указанное предположение и, со своей стороны, позволяют уточнить его и считать, что аканье развилось, примерно, во второй половине XII — первой половине XIII в. Основанием для этого вывода является сравнительная хронология ряда важнейших языковых процессов.

Аканье, связанное с редукцией безударных гласных, развилось после падения редуцированных, ибо трудно допустить, чтобы безударные гласные полного образования подвергались редукции до утраты редуцированных, когда сами этимологические редуцированные, в том числе в безударных слогах, сохранялись без изменения. Об этом же свидетельствует то, что ни в одном акающем говоре не имеется никаких указаний на различия в вокализме исконного первого предударного слога и первого предударного слога, ставшего таковым после падения редуцированных. Ср., например, при диссимильативном аканье *силл*, *стиил*, *риббйа* (др.-рус. *села*, *стѣна*, *рябая*) и рядом *цвѣт-*

ка́, питкѧ́, лиснѧ́ (др.-рус. *цѣтъѧ́, пѧтъѧ́, лѧсънѧ́*); *сля́, стѧ́, рябѧ́* и рядом *цѣяткѧ́, пѧткѧ́, лѧснѧ́*.

Аканье развилось после того, как этимологическое *о* под восходящим ударением, в отличие от того же звука под нисходящим ударением и от *о* из *ѡ*, изменилось в *ѡ* (*ѡѡ*), что имело место, видимо, после падения редуцированных, когда окончательно были утрачены старые интонационно-долготные отношения. Это видно по тому, что при архаических типах яканья гласный первого предударного слога по-разному реагирует на ударенные гласные из этимологического *о* под восходящим ударением и на *о* из *ѡ*: *сѧло* и *селом*, *к сѧлой* и *слѡй* (им. падеж ед. числа муж. рода); ср. др.-рус. *село* и *селѧмъ*; *кѡ слѡй* и *слѧны* (из *slѣpъѡ*).

Новейшие данные подтверждают предположение о параллелизме в развитии безударного вокализма после твердых и мягких согласных и свидетельствуют для некоторых архаических южновеликорусских говоров о различной реакции гласного неверхнего подъема в предударном слоге на ударенный гласный *о* (*ѡ*) из *о* под восходящим ударением и гласный *о* другого происхождения и после твердых согласных: *сталѡв* по *стѧбѡм*¹.

Аканье развилось до изменения *е* в *о*, которое в исконно южновеликорусской области первоначально отсутствовало, а частью отсутствует и до сих пор². Поэтому гласный первого предударного слога при всех основных типах диссимилиативного яканья не реагирует на сохранение *е* или его изменение в *о*; ср. *весѧлье* — *весѧлый* (или *весѧлый*). Наконец, аканье развилось до изменения *ѧ* в большей части исконных южновеликорусских говоров в *е*. Поэтому архаические типы диссимилиативного яканья по-разному реагируют на гласный первого предударного слога на месте этимологического *ѧ*, с одной стороны, и *е* (из *е* и *ѡ*), с другой: *лѧтѧла*, на *стѧнѧ* (ср. др.-рус. *лѧтъѧла*, на *стѧнѧ*), по *весѧлье*, *дерѧвѧ*.

Таким образом, к древнейшим диалектным различиям с течением времени постепенно прибавлялись новые, которые охватывали разные территории — то более широкие, то, напротив, более узкие в соответствии с изменяющимися условиями действительности: экономическими связями, культурным развитием, политическими объединениями. Все это приводит к тому, что во второй половине XII и первой половине XIII в. на тех территориях древней Руси, где впоследствии были распространены русские (великорусские) говоры, различались не только диалекты новгородский, псковский, смоленский, но и ростоно-суздальский, а также акающий диалект верхнего и среднего Поочья и междуречья Оки и Сейма. Все эти диалекты за исключением последнего известны нам не только на основе сравнительно-исторического изучения современных говоров, но также и по данным письменных памятников этой поры или (для древнего псковского диалекта) несколько более позднего времени.

Новгородский диалект этого времени характеризовался взрывным *г*, билабиальным характером *е*, во всяком случае на части территории, широким распространением цоканья, произношением этимологического *ѧ* как узкого *е*, оканьем, а также, видимо, различением *ѡ* (*ѡѡ*) и *о* в соответствии с этимологическим *о* под восходящим ударением, с одной

¹ См. Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского вокализма, ВЯ, 1955, № 4.

² См. об этом в статье автора «Лингвистическая география и история русского языка», стр. 33—34.

стороны, и этимологическим *о* под нисходящим ударением, а также *о* из *з*, с другой (правда, последняя черта неизвестна современным новгородским говорам, но свойственна многим из вологодских говоров, которые, наряду с олонекскими и поморскими говорами, являются продолжением древнего новгородского диалекта, в связи с чем можно думать, что они были свойственны последнему или хотя бы части его говоров).

Псковский диалект также имел *з* взрывное, билабиальное *е*, поканье, оканье, но отличался от новгородского по преимуществу широким произношением гласного *е* на месте этимологического *ъ*. Впрочем псковский диалект, видимо, не был вполне единым — часть его говоров была ближе к полоцко-смоленскому диалекту, а другая часть — к новгородскому¹. Кроме названных черт, псковский диалект издавна имел *кл*, *гл* на месте общеславянских *tl*, *dl*, а также развил изменение мягких свистящих (*с'*, *з'*) в шепелявые согласные, близкие к шипящим, что отразилось в памятниках последующей эпохи в мене букв *с*, *з* и *ш*, *ж* (*ше* вместо *се*, *дружины* вместо *дружины* и т. д.). Современные псковские говоры являются по преимуществу акающими, но аканье проникло в них позднее.

Смоленскому диалекту так же, как и новгородскому и псковскому, было свойственно *з* взрывное, билабиальное *е*, поканье (последнее, возможно, не всем говорам). Однако, в отличие от новгородского диалекта, ему было свойственно, как и псковскому диалекту, произношение широкого *е* на месте *ъ*, неразличение этимологического *о* под восходящим и нисходящим ударениями, а также *о* из *ъ*. В рассматриваемое время смоленский диалект был еще окающим — аканье в нем развилось с XV в.; несколько раньше в нем развилось фрикативное *з* на месте взрывного.

Ростово-Суздальская земля, где был распространен ростово-суздальский диалект, получила свое население по преимуществу с запада — с территории смоленских кривичей, хотя обширные северные районы ее частью были колонизованы из Новгорода, а юго-западная ее оконечность (Москва) была заселена потомками вятичей. Несмотря на колонизацию Ростово-Суздальской земли из разных мест в ней довольно рано установился единый диалект, характеризующийся *з* взрывным, губно-зубным образованием *е*, широким распространением *е* на месте *ъ* и *б* (*уо*) на месте *о* под восходящим ударением, оканьем, а также различием согласных *ц* и *ч* на большей части территории. Различия диалекта Ростово-Суздальской земли от смоленского следует, видимо, объяснить тем, что поканье, а также изменение *е* на месте *ъ* в *ё* и неразличение гласных на месте этимологического *о* под восходящим и нисходящим ударением и на месте сильного *ъ* в смоленском диалекте появилось после того, как часть смольнян заняла территории по верхней Волге и ее притокам — Клязьме, низовьям Оки. С другой стороны, можно думать, что на этой последней территории билабиальное *е* развилось в губно-зубное.

Акающий диалект верхней и средней Оки и между речья Оки и Сейма характеризовался, помимо аканья в его диссимилятивных архаических формах, фрикативным *з*, билабиальным *е*, различием *ц* и *ч*, а также, во всяком случае в значительной своей части, наличием *е* на месте *ъ* и *б* на месте *о* под восходящим ударением.

Диалекты этой поры, насколько можно судить по накопленным в настоящее время данным, отличались друг от друга по преимуществу фонетическими чертами, но с течением времени постепенно начинают увеличиваться и грамматические различия. Несомненно, имели место также значительные лексические различия. Однако они далеко не в полной мере

¹ См. Б. В. Виноградов, Исследования в области фонетики севернорусского наречия, вып. 1 — Очерки из истории звука *ъ* в севернорусском наречии. Изд. 1923, стр. 269—270.

отразились в письменных памятниках, а по данным современных говоров трудно судить о территориальном распространении отдельных слов в древности. В лексическом отношении яснее выделяется древний Новгород, диалекту которого были свойственны такие слова, как *рыль* «заливной луг», *вьръшь* «посевы, хлеб», *обилье* «хлеб, урожай на корню», *олоньсь* «в прошлом году», *орати* «пахать», *соломя* «пролив», *наволоок* «пойма, заливной луг». Многие из этих слов и сейчас употребляются в северных русских говорах. Новгородскому диалекту был свойствен и ряд других слов, обозначавших специфические понятия социально-политической жизни Новгорода, как *огнищанинъ*, *грьдь*, *колбязь*, *одбрьнь*, *обьль* и др. Лексические особенности других диалектов в меньшей степени отразились в памятниках, хотя несомненно они были. Можно, например, думать, что акающим диалектом юго-востока были усвоены слова *лошадь*, *пахати*, в то время как на севере сохранились слова *конь*, *орати*.

3. Развитие языка великорусской (русской) народности

Несмотря на рост диалектных различий, наметившихся с наступлением эпохи феодальной раздробленности, диалекты этого периода не перекрывали собою языкового единства народности, являющегося результатом длительного периода предшествующего развития. «В пору феодального дробления Руси, в XII—XIII вв., — пишет Б. А. Рыбаков, — несмотря на существование нескольких десятков княжеств, единство русской народности очень хорошо осознавалось и находило отражение в терминологии — вся Русская земля противопоставлялась обособленным вотчинам враждовавших князей»¹. Из предыдущего изложения видно, что в это время уже были налицо некоторые из тех языковых явлений, которые затем стали характерными чертами отдельных современных восточнославянских языков; однако это еще само по себе не дает основания утверждать их наличие в то время. Лишь в дальнейшем, когда на базе отдельных частей древнерусской народности начинают развиваться восточнославянские народности более поздней поры (великорусская, украинская, белорусская), постепенно начинают тускнеть общевосточнославянское языковое единство старшего периода и, напротив, постепенно становятся более яркими языковые различия формирующихся народностей и языковое единство в пределах каждой из них. Но здесь имеет место уже процесс перерастания отдельных диалектов в самостоятельные языки.

Дальнейшее обособление северо-восточной Руси от Руси западной и южной в условиях монгольского ига и специфических процессов развития западных и южных русских земель в составе великого княжества Литовского и — позднее — Польши, экономический рост, политическое укрепление и культурное развитие северо-восточной Руси приводят в XIV—XVI вв. к образованию русской (великорусской) народности. Вместе с этим развивается и ее единый и общенародный язык. Основными центрами, где развивалась великорусская народность, были Владимир, Ростов, Суздаль, а затем Москва, которая «...была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси»². Ядро великорусской народности на этой территории, как видно из предыдущего, было в диалектном отношении, в основном, едино. Расширение формирующегося русского государства постепенно увеличивает диалектное многообразие на его территории и притом не только за счет северновеликорусских

¹ Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 44—45.

² «Правда» 7 IX 47 (Приветствие тов. И. В. Сталина Москве в связи с ее 800-летием).

говоров новгородского типа, но также и за счет говоров акающих, южно-великорусских. Те и другие постепенно начинают функционировать в качестве диалектов формирующегося великорусского (русского) языка.

В структурном отношении язык великорусской народности уже значительно приблизился к современному русскому языку. В области фонетики в значительной части говоров произошло изменение *е* в *о* перед твердым согласным, гласный *и* после твердого согласного (в начале корня после твердого согласного приставки, в начале слова после твердого согласного предложения или другого слова при тесном слиянии слов в произношении) изменился в *ы*, установилась современная система противопоставления согласных по твердости-мягкости, глухости-звонкости. В области морфологии в живом языке утратилась старая система прошедших времен, в связи с чем продолжали развиваться виды глагола [хотя еще сохранились многочисленные реликты старого, судя по тому, что они частью сохранились и в современных говорах: ср., например, многократные глагольные образования типа *дазывал*, *крикивал*, *лаживал* (от *лазить*), известные в разных русских говорах, в особенности вологодско-вятских, остатки перфекта в некоторых из олонечских говоров и др.], объединились некоторые из старых различных типов склонения существительных по признаку грамматического рода, унифицировались некоторые старые различия твердых и мягких основ, иными словами система спряжения и склонения значительно приблизилась к современному состоянию.

В это время возникает или расширяется в своем употреблении ряд специфических явлений русского языка в области фонетической системы, грамматического строя и словарного состава, которые постепенно охватывают все основные части русской (великорусской) народности, лишь в отдельных случаях не доходя до некоторых периферийных районов, и отличаются, таким образом, русский язык от украинского и белорусского. Из явлений фонетических следует отметить распространение на великорусской территории изменения слабых редуцированных после плавных между согласными в *о*, *е* (ср. рус. *кроваз*, *слеза*), известного по памятникам в отдельных случаях со второй половины XIII в. К числу этих явлений относится также изменение *-ый, -ий* в *-ой, -ей*, отразившееся в письменных памятниках с того же времени, но известное по более многочисленным примерам со второй половины XIV в.

Из явлений морфологических следует отметить утрату звательной формы; время этой утраты по письменным памятникам установить трудно ввиду длительного сохранения данной формы во многих жанрах письменного языка. Однако можно утверждать, что процесс этот в части диалектов начался очень рано, значительно задержавшись лишь в некоторых из периферийных севернополикорусских говоров. Другими заметными морфологическими новообразованиями русского языка в отличие от украинского и белорусского (или части говоров белорусского) являются: замена свистящих задненёбными в формах склонения (*рукъ* вместо *роуць*) — черта, возможно свойственная новгородским говорам в отдельных словах с давнего времени, но более широко прослеживаемая по памятникам лишь с XIV в.; развитие формы именительного падежа множественного числа *-а* от имен существительных (типа *берегá*, *рогá*), известной в отдельных случаях с XIV в.; образование формы повелительного наклонения от глаголов I спряжения на *-ите* вместо *-ьте* (*несите*, *идите*), известное в отдельных случаях уже в древнейших памятниках, но частое в Лаврентьевской летописи (1377 г.) и абсолютно преобладающее в деловой письменности Русского государства XIV—XV вв.; появление форм повелительного наклонения с *к*, *г* от глаголов с основой на задненёбные — *пеки*, *помоги* (ср. др.-рус. *пѣци*, *помози*).

В XIV—XVI вв. появляется ряд слов, которые первоначально не употребляются в памятниках немосковского происхождения, но с XVI в. становятся общими для языка всей великорусской народности. Таково, например, слово *крестьянин* (ср. новгородское *смерд*), *деньги* (ср. новгородское *векша*, *куна*) и др. Такие слова, как *крестьянин*, *деньги*, *лавка* (в значении торгового заведения), *мельник*, *пашня*, *пуговица*, *деревня*, *кружево* и др., известные впервые из языка московских памятников XIV—XVI вв., не только становятся в XVI в. общевеликорусскими, но сохраняются и в современном русском языке. Характерно, что эти слова, как правило, неизвестны украинскому и белорусскому языкам или известны им из русского. Ср. их украинские соответствия: *селянин*, *грош*, *краниця*, *мірошник*, *нива* (или *рілля*), *гудзик*, *село*, *мере живо*. Все это ярко свидетельствует об интенсивном процессе оформления языка великорусской народности.

Общенародный язык в эту эпоху выступает в своих местных ответвлениях или разновидностях, однако довольно заметно отличающихся друг от друга. Среди них заметно выделяется по широкому отражению в деловой письменности ведущий диалект языка народности (ростово-суздальский, одним из говоров которого был московский), вокруг которого концентрируются другие диалекты. Однако ввиду отсутствия развитого общего рынка и слабости централизации местные диалекты в этот период не только характеризуются значительной устойчивостью, но и имеют тенденцию к дальнейшему развитию диалектных различий, особенно в периферийных областях — как на севере, так и на юге. На юг от Москвы уже в предшествующую эпоху простиралась обширная территория акающего диалекта верхней и средней Оки и междуречья Оки—Сейма. На этой территории с XV в. выделяется непосредственно примыкающий к Коломне тульский край (Ростиславль, Таруса, Алексин, Тула). Говоры тульского края, издавна тесно связанного с Москвой и рано присоединенного к ней, находящегося на основных стратегических путях борьбы со степью, с «диким полем», естественно, развиваются под московским влиянием и непосредственно под воздействием говоров южного подмосковья (Коломны, Серпухова), южновеликорусских по происхождению, но испытывающих влияние со стороны северновеликорусского говора Москвы. Можно думать, что в связи с этим в тульском говоре диссимилятивное яканье сменилось умеренным, звуки *у* и *ю* на месте *е* в определенных условиях сменились звуками *е*, *ф* (вместо *урук*, *лайка* стало произноситься *енук*, *лафка*), был усвоен ударенный гласный *о* после мягких согласных, в частности в личных формах глагола (*несёш*, *несём*, вместо более раннего *несёш*, *несём*).

С течением времени в тульских говорах появились и другие особенности, сближающие их с средневеликорусскими и, напротив, отличающие от остальных южновеликорусских. На юго-востоке и востоке от территории тульского диалекта лежит рязанский край, дольше сохранивший свою самостоятельность, менее тесно связанный с Москвой, а в северной своей части отделенный от владимирского, суздальского и московского центров непроходимыми лесами и болотами мещерской стороны. Естественно, что в этих условиях рязанский диалект в общем оказывается менее подверженным московскому влиянию. Однако диалект обширной рязанской земли не является вполне однородным. Говоры юга, в особенности расположенные на верховьях Дона и его притока Воронежа, в большей степени сохраняют типичные южновеликорусские особенности, чем говоры севера, соседнившие с северновеликорусскими. На востоке и севере рязанской земли имели место процессы взаимодействия русских с иноязычными финно-угорскими племенами (мордвы, мещеры), что не могло

не наложить некоторого своего отпечатка на говоры соответствующей территории (так объясняются на этой территории цоканье, шепелявые звуки на месте мягких *с, з*).

На севере рязанской земли, в мещерской стороне, налицо были условия для консервации многих архаических диалектных черт. Здесь были широко известны такие диалектные черты, как отсутствие изменения *е* в *о*, сохранение *ѡ* в отличие от *о*, сохранение особой гласной фонемы *ѣ* на месте *ѣ*, сохранение *у* и *ѣ* на месте *ѣ* (*унук, лаѣка*). Характерной особенностью рязанского диалекта является развитие диссимилятивного яканья в ассимилятивно-диссимилятивное. На западе и юго-западе от рязанской земли была расположена южновеликорусская территория курско-орловского диалекта — «Верховские княжества» (по верхней Оке) и Курск, которые находились между северо-восточной Русью и Литвой, уже давно были тесно связаны с последней и присоединены к ней в середине XIV в. Говоры этой территории, отделенной до начала XVI в. от соседних тульских и рязанских говоров политической границей, естественно, развивались независимо от последних и не воспринимали тех новообразований, которые имели в них место. Поэтому значительная часть курско-орловских говоров сохранила исконные южновеликорусские особенности в наибольшей степени (диссимилятивное аканье, диссимилятивное яканье обоянского типа и др.).

Таким образом, тульский, рязанский и курский диалекты южновеликорусского наречия едины по своему происхождению, а различия между ними возникли главным образом в XIV—XVII вв. и частью продолжали развиваться позднее.

Иное происхождение имеет четвертая группа южновеликорусских говоров — смоленский диалект на западе от Москвы. Территория Смоленщины, заселенная потомками кривичей, ко времени образования акающего диалекта верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма, т. е. первичных южновеликорусских говоров, характеризовалась северным окающим диалектом с взрывным образованием *г*. Будучи расположена между северо-восточной Русью и Литвой по верхнему течению Днепра, Смоленщина с давних пор была тесно связана с землями, лежащими на запад и юго-запад от нее, а в начале XV в. была присоединена к великому княжеству Литовскому. Этим объясняется наличие в смоленском диалекте черт, общих для него с северо-восточным диалектом белорусского языка, а частью и вообще с белорусским языком. Под воздействием с юго-запада и юга смоленский диалект усвоил еще в XIV в. фриктивное *г*. В XV в. в нем возникло аканье в связи с соседним диалектом «Верховских княжеств» в Курска, которые в то время также были в составе Литвы, и распространилось в это и последующее время на запад — на белорусскую языковую территорию и на северо-запад — на псковскую. Обе эти черты отражены смоленскими памятниками — *г* фриктивное с XIV в., а аканье в единичных случаях — с XV в. Таким образом, с XV в. смоленский диалект приобрел свой южновеликорусский характер, близкий при этом к соседним белорусским говорам.

Отметим, что смоленский диалект, переживший, как и большая часть других «северных» говоров, изменение *е* в *о* перед твердым согласным, имел фонетически закономерный гласный *о* в 1-м лице множественного числа, но не распространил его на те личные формы, которые после *е* имели мягкий согласный (или не имели твердого). Этим объясняются формы *н'ес'ом* при *н'ес'еш*, *н'ес'е*, сохранившиеся во многих смоленских говорах и до сих пор.

В Москве и на территориях к северу от нее были распространены северные окающие говоры. На крайнем западе (по р. Великой) продол-

жал развиваться псковский диалект, часть говоров которого с XV—XVI вв. (вслед за смоленскими и полоцкими говорами), а также в последующее время усвоила акаанье и постепенно приобрела средне-великорусский характер. На северо-западе и севере по Волхову, Онеге, системе Северной Двины, Мезени, Печоре был распространен новгородский диалект. И сейчас еще говоры севера Европейской части СССР весьма близки друг к другу. Однако, распространившись на огромной территории, отдельные части которой имели своеобразную судьбу, новгородский диалект в разных местах развивался неодинаково. В XV—XVI вв. наметились некоторые различия, которые частью отразились в памятниках и во всяком случае известны по данным диалектологии. Говоры северо-востока — вологодско-вятские — частью сохраняют различия между *ѡ* и *о*; развивают ударенное *ѣ* (ѣ) между мягкими согласными в *и* (*витер*), а в некоторых говорах также и перед твердым согласным (*витра*); сохраняют *ш* на месте *ѣ* (*ѣш*, *ѣш*) в конце слова и перед согласным (*лаўка*, *роў*); развивают в конце слова на месте *л* (*ла*) *ў* (*сказаў*) (а также в случаях типа *воўк*); развивают согласный окончания *-ого* в [в] :[-ово]. После изменения *е* в *о*, которое распространилось на все личные формы глаголов I спряжения с ударенным *е*, указанные говоры заменяют перед *ѡ* (в личных формах глаголов с основой на заднеязычные) шипящие на заднеязычные (откуда [п'екѡш] вместо [п'ечѡш]); усваивают смягчение заднеязычных после мягких согласных (*Ван'к'а*).

Вологодско-вятские говоры отличаются от других северных говоров также некоторыми чертами, которые, возможно, развились в результате взаимодействия с соседними народностями финно-угорской группы. К числу таких черт можно отнести развитие твердого *л* перед гласными в «среднее» (*сказала*), а также развитие долгих согласных на месте сочетания согласного с *і* (*волбѣ'а*, *трѣт'у*, *воскр'ес'ѣн'о*)¹. Говоры севера — архангельские или поморские — утрачивают различия между *ѡ* и *о*; сохраняют *ѣ* на месте *ѣ*; развивают *ѣ* (*ѣ*) на месте *ѣ* (*ѣ*, *ѣ*) в конце слова и перед согласным (*роф*, *лафка*, *ровно*); сохраняют *л* в случаях типа *сказал*, *волк*; в окончании *-ого* сохраняют наречное *а* или развивают его в фрикативное *г*, которое по говорам может утратиться (*-ого*, *-ого*, *-ого*); эти говоры, хотя и пережили изменение *е* в *о*, однако сохраняли в личных формах глаголов I спряжения гласный *е*. В связи с этим они заменяют в личных формах глаголов с основой на заднеязычные перед гласным *е* шипящие на заднеязычные (откуда [п'ек'ѣш] вместо [п'еч'ѣш] и более позднее [пек'ѣш]); сохраняют твердо заднеязычные после мягких согласных (*Ванька*). Часть архангельских говоров, расположенная по основному транспортным линиям, связывающим север с Москвой (по Северной Двине, тракту Москва — Архангельск), усваивала некоторые языковые явления под влиянием говоров центра. К их числу могут быть отнесены, например, утрата цоканья, смягчение заднеязычных после мягких согласных, отсутствие изменения *ѣ* (ѣ) в *и*, местами широкое произношение этой фонемы перед твердым согласным, возможно, усвоение согласного *ѣ* в окончании *-ого* отдельными говорами.

Говоры северо-запада — олонечские (на территории Карело-Финской ССР) — весьма близки к архангельским и отличаются от них лишь некоторыми чертами, сближающими их с вологодско-вятскими. Находясь в стороне от основных путей, связывающих центр с севером, они изменили ударенное *ѣ* (ѣ) в *и* между мягкими согласными, а также в части гово-

¹ Аналогичное явление в говорах Смоленщины и других районов, смежных с белорусской и украинской языковой территорией, имеет другое происхождение, общее с происхождением того же явления в белорусском и украинском.

ров развили *ŷ* из *л* на конце слова и перед согласным. Говоры запада — собственно новгородские (по системе Ильмень-озера и Волхова, Мологе) — также претерпевали известные изменения в XV—XVI вв. Присоединение Новгорода к Москве (1478 г.) после его упорной борьбы за свою самостоятельность сделало эту территорию, непосредственно примыкающую с запада к ростово-суздальскому центру и находящуюся на путях к Балтийскому побережью (овладение которым являлось одной из главных задач Русского государства), объектом исключительного внимания правительства. Имело место заметное обновление населения — как за счет переселения из вновь осваиваемой новгородской территории в центральные области, так и в обратном направлении, обновление администрации, светской и духовной, за счет выходцев из центральных областей; значительно усилилось экономическое и культурное воздействие центра на Новгород. В этих условиях новгородский диалект, естественно, нивелировался, начиная утрачивать некоторые свои типичные особенности. Новгородскому говору с давних пор было свойственно узкое произношение гласного на месте *ѣ* (*е*), которое привело в XIV—XVI вв. к изменению *е* в *и* не только перед мягким согласным, но также и перед твердым. Однако этот звук рано начинает под влиянием говоров московского центра заменяться звуком *е*. Под тем же влиянием *ѡканье*, известное в Новгороде с древнейших пор, в большей части его говоров утрачивается, сохраняя лишь кое-какие реликты; окончание *-ого* с согласным *г* (может быть, и фрикативным) в значительной части говоров рано заменяется окончанием *-ого* с согласным *г*. Многие новгородские говоры не развивают, возможно, также под влиянием говоров центра, изменения *а* в *е* между мягкими согласными.

От новгородского диалекта издавна отличался диалект ростово-суздальский, в состав которого входил и московский говор. К старым отличиям этого диалекта от новгородского (о чем см. выше) в рассматриваемое время и позже стали прибавляться новые. Вместо сужения гласного *е* (на месте *ѣ*) в *и* во многих говорах Ростово-Суздальской земли имело место, напротив, его расширение в *е* (*е* открытое). Изменение ударенного *а* между мягкими согласными в *е*, охватившее весь север Европейской части СССР, не затронуло ростово-суздальского диалекта, сохранившего гласный *а* в этом положении. Ростово-Суздальская земля, как известно, исконно граничила с акающими говорами соседних территорий Черниговского и Рязанского княжеств; из последних Коломна и Лопасня вошли в состав Московского княжества уже в самом начале XIV в., тульский край — в половине XV в., а затем — и другие земли с акающим южновеликорусским говором. Поэтому не случайно, что как новообразования, так и черты сохранения старины в ростово-суздальском диалекте оказываются общими со многими соответствующими чертами южновеликорусских говоров, образуя сплошной массив: см. во многих из южновеликорусских говоров изменение *ѣ* в *е*, почти во всех них сохранение *а* между мягкими согласными.

Во многих говорах ростово-суздальского диалекта, продолжением которого является владимиро-поволжская группа говоров, распространившаяся в XVI—XVII вв. и позднее на среднем Поволжье, развились такие, например, новообразования, объединяющие их с южновеликорусскими говорами: перенос ударения в форме 2-го лица множественного числа с последнего слога на предпоследний (*несѣте*), образование форм *дашь*, *ешь*, вместо старых *дасѣ*, *есѣ*, отвердение *с* в суффиксах *-ск-*, *-ств-*. В новгородском диалекте сохранялись старые формы *несетѣ* или *несетѣ*, *дасѣ*, *есѣ*; *-с'тв*, *-с'к* (эти формы до недавнего времени сохранялись также в большей части современных говоров, являющихся продолжением ста-

рого новгородского диалекта). Говоры ростово-суздальского центра и в лексическом отношении значительно отличались от остальных северных говоров, восходящих к новгородскому диалекту. В них, например, видимо, отсутствовали многие типичные для последних слова, как, например, *баской* («хороший», «красивый»), *лопоть* («одежда»), *оболочка*, *оболокаться*, *разоболкаться* («одежда», «одеться», «раздеться») и др. Вместо слов *конь*, *орать*, *пепел* в них стали употребляться слова *лошадь*, *пахать*, *зола*.

Обзор диалектов языка великорусской народности в XIV—XVI вв. не был бы полон, если бы не было отмечено, что на стыке окающих и акающих диалектов в результате взаимодействия между ними в XIV в. и последующее время образуются смешанные, или «переходные», так называемые средневеликорусские говоры, совмещающие аканье с г взрывным и другими чертами, свойственными окающим диалектам. Древнейшие из этих говоров образовались в XIV в., но они образуются и вплоть до настоящего времени, правда, утратив свою территориальную ограниченность. Происхождение средневеликорусских говоров в разное время и в разных условиях было не одинаковым. Одними из наиболее древних среди них являются средневеликорусские говоры юго-восточного Подмосковья (севернее Коломны), южновеликорусские (рязанские) по происхождению, но приобретшие в течение XIV в. средневеликорусский характер под влиянием северного говора Москвы. В других случаях средневеликорусский говор образовался в результате смешения разнодиалектного окающего и акающего населения. В связи с постепенным усилением удельного веса акающего, южновеликорусского диалекта среди других диалектов в более поздние эпохи, в особенности с XVI в., появляются средневеликорусские говоры, северные по своему происхождению, но приобретшие аканье и некоторые другие черты в результате южновеликорусского влияния.

Из сделанного только что краткого обзора диалектов можно сделать вывод, что несмотря на все свое диалектное многообразие, язык великорусской народности был единым во всех основных элементах фонетической системы, грамматического строя, основного словарного фонда. Однако письменно-литературный язык Русского государства в условиях феодализма не был единым для разных видов письменности и в разных местах обширной страны. Письменность в северо-восточной Руси продолжала традиции древней Руси и прежде всего Киева и Новгорода. Еще в домонгольский период здесь создавались книги церковно-религиозного содержания, было развито летописание, составлялись деловые документы. Об этом свидетельствуют частью сохранившиеся памятники этой поры, а также сопоставление более поздних памятников северо-восточной Руси.

Все эти жанры письменности развиваются и в последующее время. Книжно-литературный язык предшествующей эпохи, старославянский, или, иначе, древнеболгарский по своему происхождению, продолжал свои традиции в северо-восточной Руси. Однако к концу XIII — началу XIV в. различия между ним и общенародным языком в отношении их грамматического строя значительно углубились, так как в живой речи утратились формы имперфекта и аориста, сильно развились видовые различия, произошли многие изменения в системе склонения, отсутствовавшие в книжно-литературном языке. Эти различия еще более усилились с конца XIV в. в течение XV—XVI вв. в связи с теми процессами в книжно-литературном языке, которые известны под названием «2-го южнославянского влияния». Не касаясь вопроса о книжно-литературном языке этой эпохи, отметим, что в это время происходят изменения в правописании [появляется буква «юс большой» для обозначения звука у на-

ряду с буквами *ou* (у), ю; написание *ъ, ь* после плавного в определенно-го типа сочетаниях — *вляна, трѣжище, прѣвыи* и т. д.; употребление букв *а* после гласных вместо *я* (ю), например *новаа, всеа*. Некоторые из написаний, вызванных 2-м южнославянским влиянием или укрепившихся и ставших особенно распространенными в связи с ним (написания *жд, щ* вместо исконно русских *ж, ч*, южнославянское неполногласие), соответствуя устному оформлению определенных групп слов и форм в литературном языке, затем укрепились в составе норм русского национального языка. Одни придавали словам определенную стилистическую окраску, или делали их особыми словами со своим самостоятельным значением, или выделяли особые грамматические формы литературного языка (ср. в современном русском языке *злато* — *золото*, *страна* — *сторона*, *рождать* — *рожать*, *невежда* — *невежа*, *лежащий* и *лежащий* и др.).

Отметим также, что уже с XV в. и, в особенности, в XVI в. наряду с собственно книжно-литературным славянорусским языком в среде широких демократических кругов развилась такая его разновидность, которая столь обильно насыщалась элементами живого общенародного языка, что от церковно-книжного стиля оставались в нем лишь отдельные наиболее употребительные слова вроде *аще, бысть, рече*, неполногласные дублеты общенародных слов (*град, брег* и т. д.), отдельные глаголы в форме аориста и имперфекта (без согласования по лицам и числам) и некоторые синтаксические обороты (например, дательный самостоятельный).

Наряду с книжно-литературным славянорусским языком продолжал развиваться и собственно литературный язык, обслуживавший жанры, близкие к художественной литературе. В соответствии со своей общенародной основой, тесно связанной с народно-поэтическим языком, он продолжал развиваться в связи с живой народной речью и фольклором, используя также традиции книжно-литературного языка (ср., например, «Задонщину» и в особенности «Сказание о Мамаевом побоище»). Уже для древнерусского периода мы имеем (например, в составе летописей) записи народных сказаний, пословиц и поговорок. Начиная с XVI в. до нас дошли также записи народных песен и других образцов обработанной народно-поэтической речи. Они свидетельствуют о том, что воинские повести XV—XVI вв., продолжая старые традиции этого жанра («Слова о полку Игореве»), а также обращаясь к элементам церковно-книжного языка, вместе с тем широко используют современный им фольклор.

Традиции древнерусского делового языка, культивировавшегося начиная с XII в. в северо-восточной Руси, стали особенно широко развиваться в Москве с XIV в. При этом следует иметь в виду, что этот язык обслуживал все возрастающие потребности растущего в экономическом, политическом и культурном отношениях Русского государства. Деловой, иначе «приказный», язык Русского государства XV—XVI вв., имевший в своей основе диалект Ростово-Суздальской земли, в состав которого первоначально входил и говор Москвы, был в значительной мере свободен от элементов церковно-книжного, славянорусского языка. Последние были представлены в нем лишь отдельными фразеологическими оборотами, традиционными зачинами и концовками. Однако, как и всякий письменный язык, он был традиционен и далеко не в полной мере отражал живые, развивающиеся явления языка; вместе с тем, прежде всего служа для выражения разного рода правовых актов, отражающих все более усложняющиеся общественные отношения, этот язык был известным образом литературно обработан, организован и по-своему нормирован. Поэтому деловой язык Русского государства XV—XVI вв. не может быть принят за непосредственное и полное отражение живой общенародной речи своего времени. Деловой язык, выработавшийся по преимуществу на

материале юридических актов и договоров, затем стал употребляться значительно шире — на нем писались мемуары, исторические и географические сочинения, поваренные книги, лечебники, руководства по ведению хозяйства и пр.

Деловой тип языка Русского государства, унаследовавший древнерусские традиции, а также испытывавший влияние со стороны соответствующих жанров письменности Новгорода, к концу XVI в. стал едва ли не общим для всего обширного государства, постепенно вытесняя собой местные разновидности «приказного» языка во всех областях, в том числе и в самом Новгороде.

В этот период особенно резко выражены, твердо очерчены и противопоставлены два типа письменного языка — литературно-книжный и приказной (деловой), более близкий к живому языку великорусской народности и впитавший в себя отдельные элементы фольклора, народно-поэтической речи. Собственно литературный тип языка с этого времени, имея свою специфику, в разных сферах своего применения примыкает то к одному, то к другому из указанных типов.

Таким образом, отличительными особенностями русского языка эпохи великорусской народности являются наличие нескольких специализированных типов письменного языка, хотя и взаимно связанных, обслуживающих разные жанры письменности и литературы, стойкость исторически образовавшихся диалектных различий и развитие новых в периферийных областях, а также отсутствие единых норм устно-разговорной речи при значительном приближении грамматической структуры к структуре современного русского языка.

4. Начальный период развития языка русской (великорусской) народности в русский национальный язык

Начальные этапы развития русской (великорусской) народности в нацию связаны с возникновением в XVI в. предпосылок для образования всероссийского рынка, с территориальным разделением труда, с тем, что «разбросанные по всей территории Русского государства городские и сельские рынки в XVI в. уже были связаны между собой непрерывным товарообменом»¹. Это привело к тому, что «во второй половине XVI в. складываются те явления в области рынка, которые затем в XVII в., когда происходил процесс сложения всероссийского рынка, нашли себе более отчетливое и более полное выражение»². В языковом отношении это и последующее время связано с постепенным усилением роли южновеликорусского наречия в развитии языка народности.

Известно, что уже в раннюю пору развития языка русской (великорусской) народности южновеликорусское начало играло в ее составе определенную роль. С самого начала XIV в. к Москве были присоединены Коломна и Лопасня с их южновеликорусским говором. В XIV в., а также в XV—XVI вв. при образовании централизованного государства к Москве постепенно присоединяются и многие другие южновеликорусские территории. Роль этих территорий, важная с самого начала в военно-политическом отношении, постепенно возрастает и в экономическом отношении, а в течение XVII в. становится весьма значительной: «Экономический центр тяжести перемещался на юг по мере заселения южных областей

¹ С. В. Бахрушин, Научные труды, I — Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI — начала XVII в., М., 1952, стр. 41—42.

² Там же, стр. 54.

и распахки богатой черноземной нови»¹. Все это уже само по себе вносит определенные изменения в соотношения между диалектами. Ростово-суздальский диалект постепенно утрачивает свое ведущее значение в дальнейшем развитии русского языка. Ведущее значение приобретает московский говор (говор территории ближнего Подмоскovie), северновеликорусский (ростово-суздальский) по своему происхождению, который, однако, постепенно проникается южновеликорусскими элементами через первичные средневеликорусские говоры (например, коломенский), а также непосредственно под южновеликорусским влиянием, т. е. развивается в средневеликорусский.

В XIV—XV вв. в Москве преобладал северновеликорусский говор. С течением времени в языке московского населения, как и в говорах ближнего Подмоскovie, все более увеличиваются южновеликорусские элементы, пока он не оформляется в XVII в. как «московское просторечие» с его средневеликорусским обликом, известное нам по последующему времени. Это московское просторечие оказывается одним из существенных факторов в процессе формирования общенародного разговорного языка; оно оказывает также все более заметное влияние на деловой «приказный» язык и на местные диалекты. Под его воздействием начинают формироваться нормы национального языка. Московская разговорная речь оказывает сильнейшее влияние на развитие письменно-делового языка, на оформление его норм, прежде всего грамматических.

Известно, что образование нации связано с развитием капиталистических отношений в недрах феодального общества, т. е. с наличием не только товарного производства и товарного обращения, имевшихся и в эпоху феодализма, но также и системы эксплуатации наемного труда; оно связано со слиянием отдельных областей и земель в одно целое, вызванным «...усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»². Эти процессы, наметившиеся с XVII в., когда язык русской (великорусской) народности развивался в русский национальный язык, не могли не оказать существенного влияния на направление и характер языкового развития.

В эпоху образования русского национального языка существенным образом изменяются взаимоотношения между общенародным языком и местными диалектами. Постепенно прекращается образование диалектных различий. Однако имеющиеся диалектные различия обладают еще значительной устойчивостью, в особенности на ранних этапах развития национального языка. Диалекты, таким образом, постепенно становятся категорией пережиточной. На более поздних этапах развития национального языка диалектные различия, в первую очередь на территориях, экономически наиболее развитых, начинают сглаживаться. Образующиеся иногда в особых условиях диалектные различия (на экономически отсталой периферии, в так называемых «медвежьих углах») не получают широкого развития и имеют узко локальный характер. По мере территориального распространения норм формирующегося национального языка, в особенности в городах, диалекты постепенно перестают быть единственным типом языка на своих территориях. Диалектная речь сохраняется по преимуществу в сельских местностях. В городах образуются так называемые «мецанские говоры», которые представляют собою, видимо, своеобразное приспособление местного диалекта к московскому просторечию. В связи с распространением и укреплением норм национального

¹ Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII веке, 2-е изд., М., 1937, стр. 88.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

языка тормозится дальнейшее изменение строя языка в области звуковой системы и морфологического строя. Местные диалекты в эпоху национальную, становясь явлением пережиточным, постепенно утрачивая свою самобытность, вливаясь в национальный язык и исчезая в нем, постепенно становятся нижней формой национального языка, подчиненной его высшей форме — литературно-отработанному нормализованному типу национального языка.

В эпоху образования русского национального языка постепенно к XVIII в. (к его середине) развивается единая устно-разговорная разновидность национального языка, которая, употребляясь первоначально в Москве, постепенно распространяется по всей стране. Основными источниками этого типа языка являются, с одной стороны, московское просторечие, с другой — деловой письменный язык предшествующей эпохи, оба имевшие северную основу. С этим непосредственно связано укрепление в качестве норм национального языка ряда северновеликорусских по происхождению черт (взрывное образование *г*, твердое *т* в 3-м лице глаголов, формы типа *меня* и др.), ибо при формировании национального языка не происходило ломки веками создававшейся традиции. Однако самое развитие русского национального языка происходило при ведущей роли южновеликорусского наречия. В эпоху образования национального языка и непосредственно предшествующую ей развивается и укрепляется в московском просторечии и в части подмосковных говоров аканье, утрачиваются вслед за утратой в южновеликорусских говорах многие древние общенародные элементы в грамматике и лексике, сохранившиеся теперь лишь в части архаических северновеликорусских говоров. В московский говор и соседние северновеликорусские проникает форма именительного падежа множественного числа на *-ы* (*-и*) безударное от слов среднего рода и мужского рода на *-онок* (*сёлы, пятны, ребята*), также, видимо, южновеликорусского происхождения. Утрачиваются в них старые общенародные конструкции, постепенно превратившиеся в особенности северновеликорусских диалектов (например, конструкция типа *косить трава*, широко известная языку московских памятников еще и XVI в.). Развивается также словарь за счет слов, южновеликорусских по происхождению. Существенное значение в развитии устно-разговорной разновидности национального языка имело ее обогащение за счет элементов, генетически восходящих к церковно-книжному языку, но приобретших к этому времени общенародный характер. Этими элементами являлись слова, словообразовательные элементы — суффиксы и приставки, слова со звуковыми особенностями церковно-книжного происхождения — *жд*, *щ*, *с* (без изменения в *о*), слова с неполногласными сочетаниями и т. д.

Так совершенствуется и обогащается устно-разговорная разновидность развивающегося русского национального языка, все шире отражаясь в письменности и тем самым заявляя о своей способности быть основой и письменно-литературной разновидности национального языка. Вместе с этим церковно-книжный тип литературного языка переживал в XVII в. решающий кризис: становясь все менее повятым народу, не выдерживая конкуренции со стороны общенародной устно-разговорной разновидности развивающегося национального языка, удовлетворяющей многообразным потребностям общества, церковно-книжный тип литературного языка постепенно сужается в сферах своего употребления, а затем (с XVIII в.) переходит на положение культового в собственном смысле слова церковного языка. Дольше держится деловой «приказный» язык. Но и он, обогатив собой до известной степени общенародный язык, постепенно приобретает черты специального «канцелярского» языка.

Таким образом, устно-разговорная разновидность развивающегося национального языка, обогащенная как церковно-книжными, так и «приказными» элементами, постепенно стремится стать по существу единственной основой письменно-литературного языка.

Сказанным не исчерпываются процессы, характеризующие начальный период развития русского языка в эпоху образования русской нации. Однако богатая и поучительная история русского языка этой эпохи выходит за пределы задач, ставящихся в настоящей статье, и требует специального рассмотрения.
